

Исторический журнал. 1939, № 7. С.28-41

Веб-публикация: Vive Liberta, 2013
наша библиотека
<http://istmat.info/vive-liberta>

Сергей Васильевич Фрязинов

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В ЛАГЕРЕ ЯКОБИНЦЕВ

1793—1794 годы

К лету 1793 года из Конвента изгнаны были виднейшие представители Жиронды, 22 из них были арестованы и заключены в тюрьму, другие жиронисты бежали в провинцию и там разжигали пламя мятежного «федералистского» движения. Близкой к жиронистам Шарлоттой Кордэ был убит в Париже один из крупнейших вождей якобинцев—Марат.

Во Франции установилась якобинская диктатура, которая должна была разрешить крупнейшие задачи революции. Якобинцы установили твердую, сильную власть, беспощадную к врагам народа, и применили против сил контрреволюции «плебейские» методы борьбы.

Ленин отмечал, что «якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики»¹. Период существования якобинской диктатуры явился высшей фазой развития французской буржуазной революции XVIII века. Якобинцы разрушили узел феодальных отношений и освободили крестьянство от всяких феодальных повинностей, проявили революционную инициативу и решительность в деле коренной реорганизации армии и мобилизации

всех сил народа на борьбу с интервентами. Как самым фактом своего прихода к власти, так и своими успехами в борьбе с силами внутренней и внешней контрреволюции якобинцы, эти последовательные и решительные представители революционной буржуазии того времени, были обязаны тому, что они поддерживали тесную связь с народными массами. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»².

Но эта связь с массами, составлявшая главную силу якобинцев, не могла оставаться неизменной на протяжении всего периода существования якобинской диктатуры. По мере того, как в ходе революции обнаруживалась классовая буржуазная ограниченность якобинцев, их неспособность улучшить коренным образом положение городской и деревенской бедноты, в рядах последней зрело и развивалось недовольство против якобинцев.

Особенно сильное недовольство вызывали мероприятия якобинцев в области со-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 556.

² Там же, стр. 435.

циально-экономической и аграрной политики. Якобинцы установили максимум на заработок рабочего, оставили в силе закон Ле-Шапелье, запрещавший союзы рабочих и карающий рабочих за стачки, не обеспечили достаточно широкого наделения белопоты землей за счет национализированных имуществ, не заняли последовательной позиции в борьбе за максимум (твердые цены на продукты).

Все это с неизбежностью привело к тому, что и в отношении якобинцев чем дальше, тем сильнее давал о себе знать тот отличительный признак буржуазной революции, который отмечен товарищем Сталиным: «Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми».

Недовольство народных масс находило свое отражение в выступлениях левой части якобинцев, так называемых эбертистов.

1

Активную роль в установлении якобинской диктатуры сыграла группа «бешеных» с Жаком Ру, Варле и Леклерком во главе, выражавшая стремление и интересы рабочих парижских предместий, плебейских элементов, занятых в ремесленных предприятиях Парижа.

Однако союз якобинцев и «бешеных» оказался недолговечным и уже осенью 1793 года распался: якобинцы, среди которых заметное место занимали представи-

тели мелкой буржуазии, были встревожены горячей революционной активностью «бешеных»: они боялись потрясения «бешеными» основ буржуазной собственности. В начале сентября 1793 года якобинскими властями был арестован виднейший вождь «бешеных» Жак Ру, который позже покончил с собой, подвергшись ложному обвинению в расхищении общественных сумм и предвидя неминуемую гибель свою под топором гильотины; вслед за ним стали подвергаться арестам или вынуждены были отойти от политической жизни другие, более видные деятели движения «бешеных».

Движение плебейских масс Парижа, однако, не заглохло. Среди самих якобинцев нашлись люди, стоявшие на левом крыле этого социально-политического течения, которые возглавили движение масс. По имени своего крупного вождя Жака-Рене Эбера, издателя газеты «Отец Дюшен», представителей этого течения, тесно связавшегося с плебейскими массами, обычно называют эбертистами. Газета Эбера пользовалась до самого начала весны 1794 года огромной популярностью: ею зачитывались члены многих провинциальных отделений Якобинского клуба, тысячами возникавших даже в деревнях; ею увлекались революционно настроенные солдаты на фронтах; известны даже случаи, когда номера газеты перепечатывались на местах на собственные средства (присылавшихся из Парижа экземпляров не хватало).

В социально-политической платформе Эбера многое воспроизводило требования «бешеных», так что между эбертистами и «бешеными» вряд ли возможно провести

Максимилиан Робеспьер.

четкую грань; и эбертисты и «бешеные» совместно выступали в начале сентября 1793 года перед Конвентом, и многие из рядовых «бешеных», лишившись осенью 1793 года своих вождей, перешли в ряды эбертистов. Для обоих течений характерны те же требования расширения и беспощадного проведения максимума, та же страстная враждебность к владельцам крупных состояний и спекулянтам, та же горячая ненависть и призывы к решительному применению террористических мер по отношению к спекулянтам и контрреволюционерам. У Эбера напрасно было бы искать четких формулировок его политической платформы, не даром о нем и о других, близких к нему по настроению деятелях Парижской коммуны (органа городского самоуправления французской столицы, игравшего крупную роль в революции) Энгельс заметил в одном из своих писем: «Чего они хотели, никто сказать не мог, до тех пор, пока Бабеф, спустя долгое время после падения Коммуны, не придал этому определенной формы»¹. Однако уменье Эбера отзываться в своей газете на насущные вопросы текущего политического момента делало его широко популярным, выдвигало его в ряды крупнейших представителей революционной публицистики того времени, подымало до положения вождя целого политического течения.

Среди вождей эбертизма был, однако, человек, социально-политические стремления которого носили более отчетливый характер чем у основной массы эбертистов и «бешеных»: это был Анаскагор Шометт, один из руководителей Парижской коммуны. Наставая, подобно другим эбертистам, на беспощадном применении террористических мер в отношении к спекулянтам и на безусловном проведении максимума, Шометт в то же время выдвигал более цельную программу мероприятий, основной задачей которых должно было являться улучшение положения плебейских масс; сюда входили и мероприятия благотворительного характера: организация общественных работ и выдача пособий нуждающимся и меры по распространению народного образования; сюда относился и ряд мер иного свойства — обложение состоятельных людей в усиленном размере, что дало бы возможность частично освободить от налога неимущую бедноту, обеспечение малоимущим гражданам права на голосование при выборах в органы городского самоуправления, наделение бедняков землей за счет национальных имуществ и владений противников революции, даже отобрание в собственность государства предприятий у хозяев, вступавших на путь сокращения производства и торговли. Очень ярко сказывалась у Шометта еще одна черта — страстная ненависть не только к контрреволюционному католическому духовенству, но и к самой католической религии.

Крупнейшие вожди эбертизма располагали не только поддержкой широких плебейских масс, но и целым рядом своего рода опорных пунктов в Париже: всецело под их влиянием находилась Парижская коммуна, в которой Шометт и Эбер занимали руководящие должности прокурора и его помощника; за них стояли некоторые секции — районы Парижа, плебейские по основному составу населения (секции Марата, Муция Сцеволы); одним из обединяющих центров эбертистов являлся в рассматриваемый нами период Клуб кордельеров — «веревочников», — заседавший в помещениях упраздненного монастыря ищущих вспомогательных монахов, подпоясывавшихся веревками; немало эбертистов служило в военном министерстве.

К осени 1793 года достиг огромного обострения продовольственный кризис в Париже; в самом начале сентября 1793 года контрреволюционной жирондистской буржуазией был предательски сдан англичанам Тулон; весть об этом произвела в Париже потрясающее впечатление; между тем робеспьевский Комитет общественного спасения откладывал судебные процессы находившихся в заключении коро-

¹ Письмо Энгельса к Каутскому. «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 43.

левы Марии-Антуанетты и 22 арестованных в начале июня 1793 года жирондистских депутатов Конвента.

В этих условиях нарастающего недовольства народных масс эбертисты, не ограничиваясь отдельными выступлениями в Конвенте и Якобинском клубе, стали искать выхода в революционной массовой демонстрации, в проведении которой Эбер и Шометт сыграли большую роль, выступая глашатаями требований плебейских масс Парижа. 5 сентября 1793 года революционные массы Парижа подступили к Конвенту и, оцепив его, предъявили ему ряд требований, на удовлетворение которых Конвент вынужден был пойти. Для осуществления реквизиции продовольствия в деревнях с целью лучшего снабжения Парижа были созданы своего рода продовольственные отряды, получившие наименование «Революционной армии»; во главе последней был поставлен эбертист Ронсен; в лице этих отрядов была создана военная сила, которой распоряжались эбертисты; значительно расширен был состав Революционного трибунала — чрезвычайного революционного суда; он был разделен на шесть секций, каждая из которых в отдельности разбирала политические процессы, так что революционное судопроизводство ускорилось, а этим самым применение террора фактически усилилось. Около того же времени принят был ряд мер, направленных к улучшению дела обороны революционной организации от иностранной интервенции: был издан декрет о призывае в армию холостяков в возрасте от 18 до 25 лет, точно определен порядок платежей по принудительному займу, ложившемуся в первую очередь на состоятельных людей, окончательно урегулированы были твердые цены на зерновые продукты, а затем установлен общий максимум на предметы потребления; принят был ряд мер для прекращения торговли с Англией, непримириимым врагом революционной Франции, и для поощрения французского торгового мореплавания; частично обновлен был высший командный состав революционных армий на фронтах. Полномочия Комитета общественного спасения были усилены в сторону превращения его в центральный орган революционной власти: он получил официальное право выдвигать списки кандидатов в другие комитеты Конвента. Самый состав Комитета общественного спасения был пополнен двумя политическими деятелями, близко стоявшими к эбертистам, — Бильо-Варенном и Колло л'Эрбуа. В октябре 1793 года в Революционном трибунале поставлены были процессы королевы Марии-Антуанетты и 22 жирондистских депутатов; обвиняемые были присуж-

Жак-Рене Эбер.

дены к смертной казни. Эбертисты, таким образом, добились удовлетворения своих основных требований: укрепления революционной власти и революционной армии для решительной борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией и спекуляцией. Сам Робеспьер должен был заявить, что народ прав в своей мести и в своих требованиях, предъявленных во время сентябрьского выступления эбертистов и «бешенных». Но дальнейший рост революционного движения в массах, руководимых эбертистами, пугал его: максимум он принимал, лишь скрепя сердце.

В то время, как Робеспьер шел на уступки под давлением плебейских масс Парижа, толкавших своими выступлениями революцию вперед, представители более правого, оппортунистического течения среди якобинцев, получившие по имени своего руководителя название дантонистов, придерживались совершенно другой тактики. Жорж-Жак Дантон, выдающийся организатор, сыгравший крупнейшую роль на предыдущем этапе революции, был настроен весьма оппортунистически. Стоявший за Дантоном «нувориши» (новые богачи), разбогатевшие в ходе революции на спекуляциях с национальными имуществами и военных поставках и еще раньше помышлявшие о примирении с жирондистами, тянулись к соглашению со старой торгово-промышленной буржуазией, представлявшей собой основную силу Жиронды. Во имя приумножения буржуазных состояний дантонисты готовы были пойти на прекращение террора, ударявшего по спекуляции, а это прекра-

щение террора было осуществимо лишь при условии примирения с внешними врагами революционной Франции, к чему и стремились дантонисты.

Сам Дантон отнюдь не блестал честностью—ни политической, ни личной,—не брезговал вступать в весьма подозрительные закулисные сношения с агентами иностранных держав, в частности по вопросу о спасении за хорошее вознаграждение короля Людовика XVI в период процесса последнего; он сожалел о невозможности спасти жизнь королевы Марии-Антуанетты, так как ее казнь затрудняла примирение революционной Франции с монархической Европой. Очень ярко сказалось у Дантона корыстолюбие, доходившее до про дажности; далеко не безгрешен был он и в отношении спекуляции национальными имуществами.

В отношении к эбертистским требованиям Дантон занял явно предательскую позицию, приспособляясь к эбертистскому движению с намерением при первой возможности подавить его. К осени 1793 года Дантон кажется настроенным решительно: зовет не делать больше уступок врагам революции, быть грозными, опустить меч закона на головы внутренних заговорщиков, полностью удовлетворить народные требования. Но в это же время он проводит через Конвент постановление об ограничении числа общих собраний парижских секций двумя в неделю, что означало ограничение политической активности секций. Дантон ловко замаскировал его одно-

временным предложением о введении оплаты малоимущих граждан за посещение этих собраний.

Но плебейские массы Парижа очень скоро поняли смысл постановления о секционных собраниях: в некоторых секциях стали раздаваться голоса, что «санкюлоты делали и поддерживают революцию не за плату», с сентября 1793 года в Париже начали массами возникать «секционные общества»—политические клубы, заседавшие нередко в тех же помещениях общих собраний секций в свободные от других заседаний часы. Эти секционные клубы, тесно связанные с Парижской коммуной, сделались одним из могущественных проводников влияния эбертистов в Париже.

После сентябрьского выступления влияние эбертистов широко распространилось и в провинции: и там местами начали создаваться для реквизиции продовольствия «революционные армии», и там эбертисты настроенная часть конвентских комиссаров—депутатов Конвента, осуществлявших под руководством Комитета общественного спасения революционную диктатуру на местах,—беспощадно применяла террористические меры против врагов революции.

2

Одним из актуальных вопросов французской политической действительности, вокруг которого развернулась осенью 1793 года борьба различных течений среди якобинцев, был вопрос о так называемой

дехристианизации — об отходе от католической церкви и даже от христианской религии вообще.

«Дехристианизация» была в тогдашней обстановке вполне естественной и закономерной: ведь католическое духовенство проявило себя в первую революции как контрреволюционная политическая сила. Одна часть его, которую называли «неприсяжным» духовенством, выступила против постановлений государственной власти еще в период Учредительного собрания, когда последнее приняло так называемое гражданское устройство духовенства, устанавливавшее избрание духовных лиц политически полноправными — «активными» — гражданами и провозгласившее церковные земли «национальными имуществами». Папа римский отказал «гражданскому устройству духовенства» в своем признании, и во имя сохранения связи со своим духовным главой значительная часть духовенства Франции отказалась дать присягу (отсюда и название «неприсяжного» духовенства) в подчинении установленному государством новому церковному устройству. В дальнейшем ходе революции эта часть духовенства все более переходила в стан контрреволюции, используя религиозные настроения отсталой части крестьянства, разжигала восстание в Вандее.

Но не меньшие опасения вызывало поведение и другой части духовенства, так называемого «присяженного», или «конституционного», духовенства. Многие его представители присягнули в признании «гражданского устройства духовенства» лишь из страха перед репрессиями или из боязни лишиться предоставляемого государством содержания, но оставались врагами революции и активно поддерживали жирондистское, контрреволюционное движение.

От борьбы с духовенством многим участникам революции было сложить дальнейший шаг — в направлении к борьбе с самой религией.

Одним из первых вопросов, вставших перед Конвентом в связи с проведением «дехристианизаторской» политики, являлся вопрос о «революционном» календаре, поставленный уже в сентябре 1793 года. Еще до выработки этого календаря Шометт в начале октября предлагал Парижской коммуне принять календарь, составленный известным тогда в Париже атеистом Сильвеном-Марешалем. Работа по выработке календаря попала, однако, в руки дантонистов Конвента, оппортунистически примкнувших к антицерковному движению. Главным составителем проекта нового летосчисления сделался поэт Фабр д'Эглантиен, напавший в работе над проектом известное применение своим литературным дарованиям. Календарь давал новые наименования месяцам (брюмер — месяц туманов, пивоз — месяц сне-

Шометт.

га, прериаль — месяц лугов, термидор — месяц жары и т. п.), связанные с характерными чертами тех времен года, на которые приходился тот или иной месяц; отдельные дни получили названия цветов, плодов, сельскохозяйственных животных и орудий и других общеполезных предметов (небудки, винограда, лошади, борона, железа и т. д.); в календаре нашла себе известное применение и десятичная система: днем отдыха являлся не каждый седьмой, а каждый десятый день («декады»); исходным моментом нового летосчисления, началом революционной эры, об'являлся день провозглашения во Франции республики, и этим подчеркивалось не только антицерковное, но и революционно-патриотическое значение нового календаря. Принятый Конвентом в ноябре 1793 года, новый календарь усиленно насаждался затем на местах конвентскими комиссарами.

Но «дехристианизаторское» движение пошло значительно дальше введения в жизнь нового календаря, и некоторые комиссары Конвента на местах и Коммуна в Париже в особенности энергично углубляли «дехристианизаторскую» работу.

Главным вдохновителем «дехристианизаторской» работы в Париже был Шометт. Руководимая им Коммуна ограничила проявления культа на улицах Парижа, изъяла много церковных ценностей, установила гражданский обряд похорон, осуществила сожжение мощей св. Женевьевы. За этими мероприятиями последовало общее закрытие в Париже храмов всех исповеданий, постановление о котором принято было Коммуной 23 ноября 1793 года. Антирелигиозная деятельность связывалась у Шометта с мероприятиями благотворительного характера, направленными на облегчение положения парижских плебейских масс: за счет изымаемых церковных ценностей он спиривал у Конвента аванс на содержа-

Бильо-Варени.

ние неимущих граждан и на обеспечение их работой.

Ликвидация в Париже старых культа, в первую очередь самого распространенного из них — католического, связывалась с наследием нового культа — культа Разума, горячими пропагандистами которого выступали эбертисты. 10 ноября 1793 года в Соборе парижской Богоматери, превращенном по этому случаю в храм Разума, совершило было пышное празднество в честь нового божества при участии артистки, выступавшей олицетворением свободы, сопровождавшееся пением гимнов в честь Разума; празднество происходило в присутствии многих членов Конвента, и олицетворявшая свободу женщина в сопровождении целой толпы зрителей явилась в Конвент и удостоилась приветствий со стороны его президиума. Культ Разума сочетался с культом природы, получил в известной мере пантептический характер. Из Парижа он стал широко распространяться по департаментам, сливаясь там по преимуществу с культом революционного отечества, с праздниками революционного характера; он получил ярко выраженный патриотический отпечаток, особенно в тех местностях, которые находились под угрозой со стороны внешней или внутренней контрреволюции.

Через неделю с небольшим после празднества торжественно отрекся в Конвенте от своих церковных функций и надел на голову трехцветный «колпак свободы» парижский «конституционный» епископ Го-

бель; вслед за ним отреклось еще много представителей духовенства в Париже и провинции, а многие духовные лица как до, так и после этого вступили в брак добровольно или по принуждению местных органов революционной власти, нарушая тем самым старинные церковные предписания о целибате — обязательном безбрачии духовенства.

«Дехристианизаторская» работа эбертистов тревожила, однако, Робеспьера; он готовился задержать проведение в жизнь революционного календаря, но не смог или не успел этого сделать; еще в большей мере он опасался наследия культа Разума. Этому культу, который проповедывали энциклопедисты, чуждо было представление о боге как о верховном существе. Робеспьер же являлся горячим последователем Руссо с его деистической идеологией, исходившей из признания существования бога в виде верховного существа. Вера в существование такого бога представлялась Робеспьеру наилучшим блестителем частной собственности; идея будущего суда божьего над людьми и загробного блаженства имела в его глазах определенное социальное значение: бедноту важно было удержать от посягательств на собственность и внедрить в ее сознание в виде утешения идею посмертного воздаяния за попесенные на земле страдания. Робеспьер также опасался «дехристианизаторской» политикой оттолкнуть от революции широкие массы крестьянства, затруднить замирение мятежной Вандеи и еще более восстановить против революционной Франции феодально-монархическую Европу.

В силу этого Робеспьер склонен был рассматривать «дехристианизаторов» как «агентов Питта», главы английского правительства, как контрреволюционных заговорщиков, умышленно осложнявших революционную обстановку. В одной из своих речей он прямо заявил, повторяя Вольтера, что если бы бога не было, его нужно было бы выдумать, что идея бога в высшей степени демократична, тогда как атеизм является аристократичным, что насильтственные меры против религиозного фанатизма способны лишь сильнее разжечь его. Шометту и Эбера пришлося к началу зимы забить отбой, и религиозный кульп в некоторых местах Парижа и провинции продолжал отправляться, а в начале декабря 1793 года Конвентом принят был специальный декрет, воспрещавший «всякие насилия или угрозы, противные свободе культа»¹.

В своем выступлении против «дехристианизации» Робеспьер встретил поддержку со стороны переменивших позицию дантон-

¹ «Moniteur». Т. XVIII, р. 600.

нистов, к началу зимы 1793 года все более начавших сближаться с Робеспьеристами. Дантон, вернувшись в Париж после довольно продолжительного пребывания на родине, выступил против «дехристианизации» и энергично потребовал и добился от Конвента постановления, воспрещавшего появление в зале его заседаний процессий, пародировавших служителей католического культа и католические религиозные обряды.

3

Борьба течений среди якобинцев, происходившая вокруг вопроса о «дехристианизации», естественно, связывалась с другими кардинальными вопросами, разделявшими эти течения, и прежде всего с вопросом о пределах приумножения буржуазной собственности: не даром Робеспьер ценил божество отчасти как охранителя этой собственности.

Эбертисты готовы были ограничить накопление собственности узкими рамками; в одном из заседаний Якобинского клуба в середине октября 1793 года эбертист Бриш заявил, что можно казнить как спекулянта каждого богатого фермера, а эбертисты настроенные комиссары Конвента, например Лапланш в Орлеане и Бурже, беспощадно облагали контрибуциями на революционные или благотворительные цели (расходы якобинских клубов, закупку продовольствия, выдачу пособий неимущим, прежде всего семьям призванных в армию) бывших дворян и всяких состоятельных

Колло д'Эрбуа.

людей. Эбертисты считали необходимым применение террористических мер к нарушителям закона о максимуме и высказывали пожелания, чтобы производившие реквизиции продовольствия отряды «Революционной армии» сопровождали гильотину.

Эти предложения были вызваны тем, что деревенская буржуазия оказывала прощению максимума яростное сопротивление, а распродажа национальных имуществ широко использовалась ею для укрепления своего материального положения: так например в одном только Северном департаменте (главный город Лилль) зажиточные слои крестьянства, не составлявшие и 5% всех покупателей-крестьян, приобрели почти 50% всей купленной крестьянством земли. Известен случай, когда в Шомонском дистрикте (округ на востоке Франции) некий зажиточный крестьянин Леклерк-младший прямо заявил властям, что законы вообще не исполняются и что он лично весьма мало с ними церемонится, что масса хлеба нелегальным путем утекает из округа и что он хочет быть хозяином своего товара; если же кто недоволен его ценой, может не покупать — пусть подыхает с голоду, а он больше никому не продаст хлеба.

Обязанные по закону о максимуме делать декларации об имеющихся у них хлебных запасах, состоятельные крестьяне всячески прятали хлеб, и власти выпуждены были производить у них обыски и иногда (хотя бы в том же Шомонском дистрикте осенью 1793 года) обязывать более состоятельных владельцев хлебных запасов обеспечивать хлебом своих неимущих односельчан. В упомянутом уже Северном департаменте

Камилл Демулен.

власти дистрикта Берг распорядились арестовывать по 1—2 состоятельных земельных собственника на каждую коммуну (сельскую общину) в случае невыполнения нарядов на поставку хлеба, подлежащего реквизиции.

Понятно, что в проведении подобной политики представители власти встречали обычно поддержку деревенской бедноты, иногда указывавшей властям на тех, у кого имелись скрытые запасы хлеба. Однако самые органы власти на местах нередко оказывались не в руках бедноты, и тогда строгое проведение максимума ослаблялось. Мало того, ради обеспечения производства сельскохозяйственных работ органы революционной власти нередко прибегали к реквизициям рабочей силы, к принудительному наряду деревенских бедняков на работу по твердой также (в 1,5 раза выше цены) 1790 года), которая при трудности получения продуктов по нормированной цене оказывалась явно недостаточной. Не удивительно, что сельскохозяйственные батраки иногда резко выражали свое недовольство и, например, в том же Бергском дистрикте в октябре 1793 года молотильщики прибегли к своеобразному саботажу, оставляя после молотьбы в снопах до половины зерна. Словом, борьба вокруг максимума происходила не только в Конвенте и Якобинском клубе, но получила гораздо более широкий характер, переходя в острую классовую борьбу в городе и деревне.

Эбертисты отстаивали усиление террора по отношению к контрреволюционным эле-

ментам; близкий к эбертистам Бильо-Варенн, например, доказывал в Конвенте во время процесса 22 жирондистских депутатов, что в свидетелях по этому делу вообще нет надобности и подсудимые должны быть просто казнены как заговорщики.

Робеспьеристы совсем не склонны были пойти так далеко: Сен-Жюст на фронте, в Страсбурге, производил реквизиции обуви у имущих слоев населения для нужд армии, но он не склонен был возводить эти реквизиции в принцип, а действовал скорее в силу необходимости; и максимум робеспьеристы принимали лишь под напором плебейских масс. Ход процесса жирондистских депутатов робеспьеристы ускорили, предоставив постановлением Конвента присяжным право прекращать дальнейший допрос свидетелей после трехдневного разбирательства дела, если вопрос для них уже достаточно ясен, но они не решились совсем упразднить этот допрос. Робеспьер, характеризуя в одном из своих докладов в Конвенте «принципы революционного правительства» и доказывая необходимость такого правительства, в то же время заявлял, что оно «должно приближаться к обычным нормам поведения во всех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы»¹.

Осенью 1793 года между эбертистами и робеспьеристами обозначились резкие разногласия по вопросам внешней политики. Часть эбертистов отстаивала идею революционной войны до об'единения вокруг революционного французского народа других народов Европы, освобождающихся от своих правительств, и расширения французской территории до пределов древней Галлии. Энгельс отметил в одном из своих писем дальнейшую судьбу этих планов революционной войны: «Партия войны беспощадной (à outrance), войны за освобождение народов, оказывается вполне права, и республика побеждает всю Европу, но только уже после того, как эта партия сама давно обезглавлена»².

Робеспьер относился сугубо подозрительно к подобным планам эбертистов. Он не считал возможным порвать экономические связи Франции с теми странами, с которыми они еще поддерживались, не хотел расширять фронт выступавшей против Франции европейской коалиции, стремился закрепить дружественные отношения Франции с Соединенными штатами Америки и Швейцарией, странами, более близкими Франции по своему социальному-политическому строю.

¹ P. Mautouchet «Le gouvernement révolutionnaire», p. 262.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 363. Под ред. В. Адоратского. 1931. 4-е изд.

Декретом Конвента, изданным в середине ноября 1793 года, Французская республика подчеркивала свое намерение «уважать и заставлять уважать территорию всех нейтральных или союзных наций»¹.

Если с большинством противников Франции Робеспьер готов был пойти на примирение, то к Англии и главе ее министерства — Питту — он относился резко враждебно. В лице Питта он видел вдохновителя контрреволюционных заговоров и интриг в самой Франции.

4

Совершенно на иных позициях и в вопросе о пределах накопления собственности, и в вопросе о терроре, и в вопросах внешней политики стояли осенью 1793 года Дантон и его последователи. Дантон вращался в кругу финансовых дельцов и спекулянтов, нередко связанных с иностранными державами — врагами революционной Франции. Состав этих темных дельцов и аферистов был очень пестрым: они принадлежали к различным народностям и занимали неодинаковое социальное положение. В окружении Дантона и его ближайших друзей мы видим и иностранных банкиров Перрего, Проли, Симона, Бойда и других, спекулянта ромом депутата Конвента Робера, и австрийских дворян-евреев — двух братьев Фрей, и одного из деятелей Якобинского клуба — француза-виноторговца Дефье, и деклассированного испанского грэнда (знатного дворянина) Гузмана, и немало других, не внушавших доверия людей.

Самой яркой фигурой в этой спекулянтской компании являлся барон де Батц, когда-то член Учредительного собрания, связанный с двором и эмигрантскими кругами, ставший крупнейшим деятелем «Индийской компании», обладавшей в течение долгого времени монопольным правом торговли с Ост-Идией. Постановлением Конвента эта компания подобно многим другим была объявлена подлежащей ликвидации. В связи с этим и выступили в роли «посредников» некоторые близкие к Дантону депутаты Конвента: Делоне, Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, Фабр д'Эглантина. Они получили от компании крупную взятку за предоставление ей возможности ликвидироваться самой под наблюдением правительственные агентов, вместе того чтобы подвергнуться ликвидации через посредство уполномоченных революционной власти. Декрет Конвента о ликвидации компании был сдан в печать без надлежащего просмотра, в измененной заинтересованными депутатами редакции, и за-

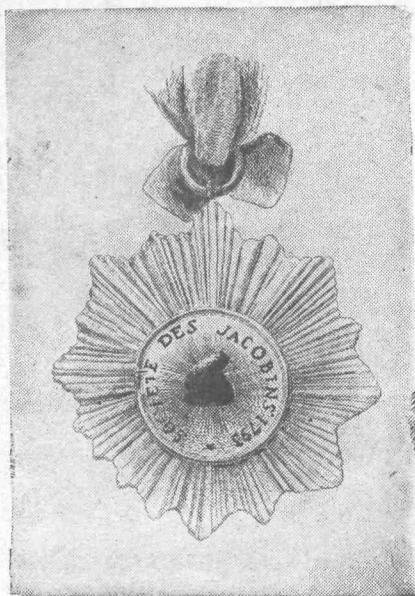
Дантон.

правилы компании с де Батцем во главе получили возможность уклониться от внесения части причитавшихся с нее платежей государству.

Мошенничество, однако, обнаружилось, когда Фабр д'Эглантина, чтобы отвести подозрения от себя, сделал членам Комитетов общественного спасения и общественной безопасности донос о существовании в Париже целого «иностранных заговора», участники которого, по его заявлению, занимались не только спекулятивными операциями, но и шпионской работой в интересах иностранных держав — врагов Франции. Дело вызвало громкий скандал. Началось расследование, в некоторых показаниях фигурировало имя Дантона, а кое-кто из обвиняемых (например, Переяра) был близок также к вождям эбертизма. Ни Дантону, ни Эбера к делу, однако, не привлекли, но об уликах против Дантона вспомнили во время процесса дантонистов.

Сообщения об «иностранных заговоре» вынудили Дантону, отправившегося было на родину и занявшегося там разного рода прибыльными операциями с целью увеличения своего состояния, возвратиться в Париж. Общая политическая обстановка теперь успела существенно измениться, и прежде всего значительно изменилось к лучшему внешнее и внутреннее положение революционной Франции: на Рейне, на бельгийской и испанской границах армии революции одержали ряд побед, на юговостоке была занята Савойя, были сокрушены контрреволюционные восстания в Лионе и Тулузе, мятежникам в Вандее был нанесен ряд тяжелых ударов. Теперь,

¹ «Moniteur». Т. XVIII, р. 448.

Медаль Якобинского клуба.

казалось дантонистам, наступило время, когда должен быть смягчен террористический режим, когда должны быть устраниены стеснения на пути к увеличению буржуазных состояний.

Понимая, что необходимым условием для смягчения террористического режима являлось прекращение внешней войны, Дантон выдвигает лозунг мира, мира во что бы то ни стало. Эта позиция по вопросам внешней политики не являлась новой для Дантона: закулисные переговоры о прекращении войны велись им через секретных агентов с иностранными государствами значительно ранее, когда он находился в министерстве и во главе Комитета общественного спасения. Теперь, в начале 1794 года, Дантон знакомился с секретными письмами некоего Майльза, агента Питта, выдвинувшего план устройства мирной конференции в Швейцарии. Энгельс указывает, что «Дантон хотел мира с Англией и английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов получить власть». Между Робеспьером и Дантоном установилось временное сближение на почве борьбы со сторонниками Парижской коммуны. «Оба были противниками Коммуны и добивались прежде всего свержения тех людей, которые желали войны для революционной пропаганды и распространения по всей Европе республиканского строя»¹.

Стремления дантонистов добиться прекращения террора получили наиболее

определенное выражение в литературной деятельности крупнейшего дантонистского публициста — Камилла Демулене. В декабре 1793 — январе 1794 года он выпускает один за другим шесть номеров основанной им газеты «Старый кордельер». Самый заголовок газеты был симптоматичен: Демулен напоминал о тех временах, когда кордельеры шли еще не за эбертистами, а за Дантоном. К эбертистам Демулен выражал в своей газете страстную ненависть, обвинял их в связях с врагами революционной Франции, выдвигал обвинения лично против Эбера, громил Парижскую коммуну. В то же время он льстил Робеспьеру и расточал ему похвалы.

Однако это сближение дантонистов с робеспьеристами намечалось далеко не по всем пунктам, и нередко Демулен высказывал взгляды, совершенно расходившиеся с политикой революционного правительства, возглавлявшегося Робеспьером: он горько жаловался на то, что депутаты не пользуются свободой мнений в Конвенте и что во Франции нет свободы печати; он готов был поставить в последнем отношении в пример Франции даже Англию Питта. Он требовал скорейшего устранения стеснений экономического оборота, а в политическом отношении — возможно быстрого перехода к конституционному режиму на основе введения в действие конституции 1793 года.

Основным требованием, выдвигавшимся в политической публицистике Демулена в это время, было признание безусловной необходимости прекращения революционного террора.

Публицистические выступления Демулены, по существу, приобретали явно контрреволюционный характер, и не даром среди плебейских масс Парижа его газета получила ироническое прозвище «Составившегося кордельера». И в самом деле, противниками революции номера газеты Демулен раскупались нарасхват.

Робеспьер долго щадил Демулену и дантонистов вообще: они были нужны ему в первую очередь для того, чтобы с их помощью сокрушить эбертистов, которым порой удавалось одерживать политические успехи и поздней осенью и зимой 1793 и в начале 1794 года. Достаточно будет указать, например, на то, что в половине ноября 1793 года эбертисты добились исключения из Якобинского клуба дантониста Тюрио, в начале января они настояли на исключении из клуба ряда видных дантонистов: Филиппо, Фабра д'Эглантина, Бурдана из Уазы — и едва не добились исключения Демулены; в начале февраля они настояли на освобождении арестованных революционными властями двух видных своих деятелей — Ронсена и крупно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 362.

го работника военного министерства Венсана; и на местах, среди конвентских комиссаров и в якобинских клубах, эбертистские настроения оказывались довольно сильно.

Когда в ряде заседаний Якобинского клуба в декабре 1793 года и январе 1794 года был остро поставлен вопрос о статьях Демулены и его газете, Робеспьер пытался защищать Демулену, указывая на то, что он искренно любит свободу и является лишь заблуждающимся; он пытался в Якобинском клубе и в Конвенте отвлечь внимание в сторону эбертистов, указывая, что именно они представляют серьезную опасность; он признавал возможным ограничиться в отношении к Демулену лишь сожжением инкриминируемых ему номеров его газеты, не принимая репрессивных мер в отношении к нему самому. Лишь после того, как Демулен запальчиво возразил, что «скрять — не значит ответить», Робеспьер вынужден был со всей резкостью обрушиться на него, подчеркивая, что и дантонисты и эбертисты ставят своей целью привести республику к гибели, добиваясь распуска Конвента. Однако даже после этого принятное было якобинцами постановление об исключении Демулены из состава клуба было отменено — и как раз в результате защиты Робеспьера.

Однако сближение робеспьеристов и дантонистов оказывалось непрочным, и робеспьеристы все более чувствовали себя между двумя группировками — эбертистской и дантонистской, из которых, по образному выражению Робеспьера в одной из февральских его речей 1794 года в Конвенте, «одна хочет обратить свободу в вакханку, другая — в проститутку»¹. Неминуемым становился разрыв робеспьеристов не только с эбертистами, но и с дантонистами, близко было падение тех и других.

5

Говоря о падении эбертистов, Энгельс видит одну из основных предпосылок его в коренном изменении внешнего положения Франции: «К концу 1793 г. граница была почти обеспечена, 1794 г. начался благоприятно, французская армия почти всюду продвигалась вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой и для Робеспьера, и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира»². Внутри государства эбер-

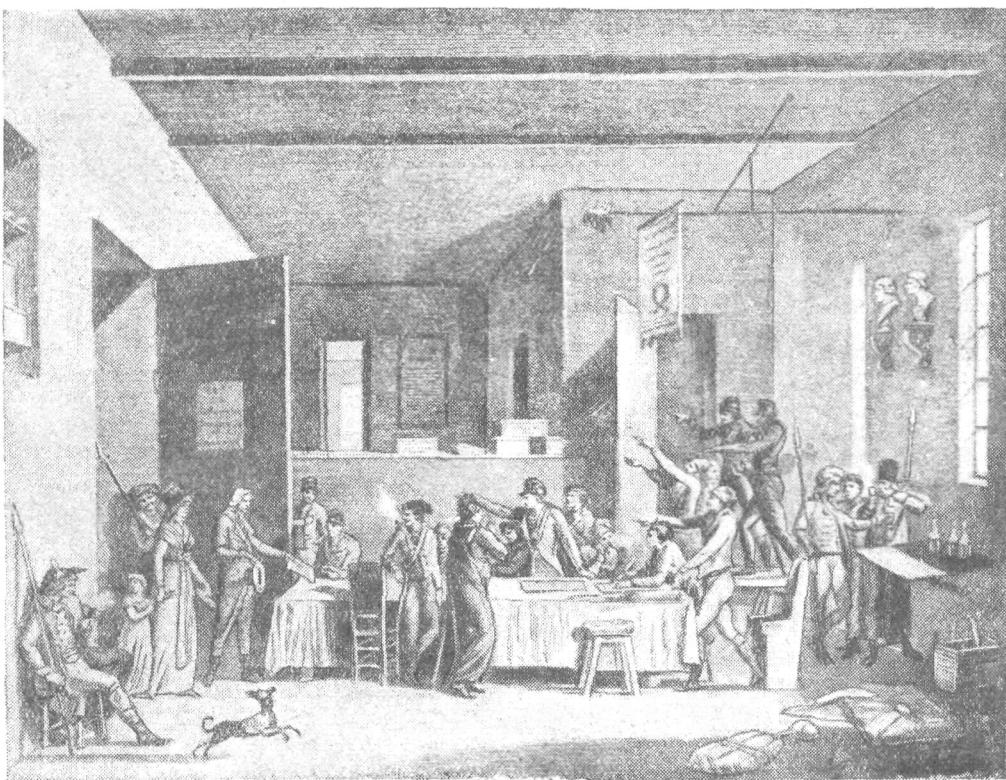
Сен-Жюст.

тистские массы оказывались слишком слабыми, чтобы одним играть роль гегемона революции. А между тем при всей недостаточности их сил обстановка толкала их на выступление с целью захвата власти, и прежде всего толкал их на этот путь экономический кризис, который в начале 1794 года очень обострился. Среди эбертистов все более назревало недовольство правительством Робеспьера, особенно со времени сближения робеспьеристов с дантонистами. Робеспьера и близких к нему политических деятелей в эбертистских кругах стали даже величать «усыпителями». В начале марта Ронсан, Карре и сам Эбер уже выступали в Кордельерском клубе с открытыми призывами к восстанию, висевший в клубе текст Декларации прав человека был демонстративно задернут черным покрывалом. Восстание активно подготовлялось в плебейской секции Марата, но не встретило нужной поддержки в других секциях и у Парижской коммуны: ее руководитель Шометт решительно высказался против всякого выступления.

Между тем Робеспьер усиленно подготовлял почву для сокрушения эбертистов, стремясь выбить у них их опору в массах путем ряда законодательных мероприятий в пользу народных масс. С начала вантоза (месяц революционного календаря, начинавшийся в конце февраля, по нашему счету) Барером поставлен был на рассмотрение в Конвенте проект нового общего

¹ «Moniteur», Т. XIX, р. 405.

² Цитированное письмо Энгельса к Каутскому. «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 43.

Революционный комитет времен террора.

Рисунок Фрагонара-сына.

максимума, а затем, по инициативе главным образом Сен-Жюста, принятые были Конвентом так называемые вантоzские декреты, согласно которым нуждающиеся патриоты должны были быть наделены собственностью за счет конфискованных имущества врагов республики. Этими декретами робеспьеристы показали, что они готовы открыть для преданных делу революции плебеев определенные перспективы улучшения их материального положения. Сен-Жюст конкретизировал идею, ранее высказанную Шометтом в менее определенной форме, и, таким образом, не только обезоруживал его, но и обращал эту идею в орудие борьбы с эбертистами.

Подготовив почву, Робеспьер через Комитет общественного спасения быстро ликвидировал все еще продолжавшиеся попытки эбертистских выступлений, протекавшие в форме предъявления отдельными секциями эбертистских петиций и расклейки на улицах воззваний. В ночь с 13 на 14 марта был арестован ряд видных эбертистских деятелей: Ронсан, Венсан, Моморо во главе с самим Эбром. В Революционном трибунале поставлен был громкий процесс. Обвинение заключало в себе ряд пунктов, из которых основной пункт не возбуждал сомнений: эбер-

тисты готовились поднять восстание, — и приговор в этих условиях мог быть только один — казнь на гильотине. За исключением одного все обвиняемые подверглись гильотинированию 24 марта; Шометт, не поддержавший планов вооруженного выступления, не был привлечен к этому делу.

Вместе с падением эбертистов совершенство обновлен был по назначению Комитета общественного спасения руководящий состав Парижской коммуны; замерла деятельность секционных клубов. Вскоре последовал и декрет Конвента о ликвидации «Революционной армии» — руководимых эбертистами продовольственных отрядов. Робеспьер устранил опасность эбертистского восстания, но разрыв с эбертистами сделал значительную часть парижского плебейства враждебной ему.

Еще до казни эбертистов началась подготовка другого процесса — процесса дантонистов. Камилл Демулен никак не хотел успокоиться и подготовлял к выпуску в свет еще один номер «Старого кордельера», где возвращался к своим излюбленным идеям неограниченной свободы суждений для депутатов Конвента, свободы печати и примирения с выступавшей против Франции европейской коалицией.

В выступлении против дантонистов Робеспьер мог надеяться на полную поддержку идеологически близких к эбертизму двух членов Комитета общественного спасения — Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, и как раз последний раньше других поставил на обсуждение Комитетов общественного спасения и общественной безопасности вопрос об аресте Дантоня. Положение последнего оказалось чрезвычайно шатким: ни на какую поддержку плебейских масс он рассчитывать не мог, обманулся он и в своих расчетах на возможность заключения внешнего мира. «Выборы в Англии прошли благоприятно для Питта, Фокс был на годы отстранен от правительства,— это испортило положение Дантоня»¹.

Когда Дантон был арестован в ночь на 1 апреля 1794 года одновременно с близкими к нему Демуленом, Филиппо и Делакруа, Робеспьеру и Сен-Жюсту удалось, подавив отдельные выступления депутатов дантонистов в Конвенте, добиться от большинства Конвента поддержки в деле ликвидации дантонистов. 2—5 апреля процесс Дантоня и его политических единомышленников разбирался в Революционном трибунале. Революционный трибунал 5 апреля приговорил всех подсудимых во главе с Дантоном за исключением одного к смертной казни, которая и была совершена в тот же день.

Падение дантонистов было крупным шагом по пути утверждения в Конвенте монопольной власти сторонников Робеспьера и Сен-Жюста. Как известно, однако, их власть была вскоре свергнута термидорианским переворотом.

Борьба течений в лагере якобинцев отражала ярко классовую дифференциацию и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 362.

борьбу классов внутри третьего сословия и одновременно борьбу всей буржуазии против угрозы реставрации власти дворянства.

Буржуазная историческая наука не случайно пытается на все лады объяснить поражение якобинцев, как результат их кровавого террора. Все эти попытки буржуазных историков и политиков свалить причину падения якобинцев на их террор выражают лишь страх современной буржуазии перед социалистической революцией, страх перед неизбежной победой диктатуры пролетариата, перед революционным террором, который будет направлен на подавление сопротивления эксплуататоров.

Марксизм-ленинизм видит подлинную причину поражения якобинцев в классовой ограниченности буржуазной революции. Якобинцы, выполнив историческую миссию самого передового отряда буржуазной революции, расчистив путь для утверждения господства буржуазии, не могли больше вести за собой широкие неимущие массы, без того, чтобы не перешагнуть через рамки буржуазной собственности, неприкосновенность которой была основой основ господства буржуазии.

Буржуазия, завоевав власть, должна была для дальнейшего утверждения своего господства положить предел революционной активности неимущих масс. Для этого крупной буржуазии надо было убрать якобинцев и установить такую диктатуру, которая не становилась бы на путь социальных уступок массам, которая грубо и решительно повернула бы огонь против народных масс и связала бы окончательно руки крупной буржуазии в деле монопольного и всестороннего использования плодов революции для себя.

